

ПОСУХУ И ПО ВОДЕ

1

Дед Анемподист не посчитался со своими земляками. Что земляки! – он посягнул на самые строгие вековечные правила: велел нести свою жену Екатерину Филаретовну обратной дорогой, с кладбища.

– Отцы ему нехороши наши, деды! – гневно неслось вдогонку.

Заодно бабки честили четырех добровольцев, за известную плату подхвативших домовину.

Анемподистов внук Гоша, двенадцатилетний подросток малокровного вида, задержался у могилы, присел на корточки перед вынутой землей, помял щепоть ее на ладони, понюхал зачем-то и бросил вниз. Бульк! – послышалось со дна, и звук этот, едва дошедший наверх, разом прекратил роптание на погосте. Диво немалое – первая ли тут гостя Екатерина Филаретовна? – никогда не подтапливало могилы – ни по весне, ни осенью глубокой. А нынче и совсем – картошку по огородам копают – сухая берется из земли, ровно мытая. Щадит погодушка... Может, вода – это знак какой? Непростая была женщина Екатерина Филаретовна.

– Суглинок, супесь, – забормотал в тишине Гоша и подался вслед за малочисленной процессией к дому.

– Пропадет, – пожалел кто-то. – Старого, вишь, в темя шарахнуло – и этот при ем совсем повредится.

В Бугрышихе считают, что Гоша малость не в себе. Худой, болезненный – одни глаза на остреньком личике да уши топорками. Ни с кем из ребятишек не водится, книжки читает – все больше учебники, свезенные сюда старшим братом за ненадобностью. Таких, как Гоша, обычно колотят сверстники, но его не трогали, оберегаемые своими бабками. Те якобы не раз слышали от покойной Екатерины Филаретовны, будто она запросто может напустить порчу. Боялись. А что парнишка с изъязном – оно понятно: мать привезла его из дальних краев, куда наладилась с мужем за большими деньгами. Известное дело, искатели счастья в строгости себя не держат; поговаривали, будто Гоша – суразенок, от какого-нибудь забубенного вроде ее самой. При живом-то муже! Эх, деньги, деньги!..

Один из четверых, вернувшись с дедова двора, обозвал Анемподиста скупердяем и сообщил, что тот собирается хоронить жену у себя в огороде. Он же предложил пожаловаться на деда председателю сельсовета, правившему службу в соседнем поселке с названием Вперед. Кое-кому предложение пришлось по душе: все знали, как не любят друг друга дед с председателем, – стало быть, скандала не миновать. Но вмешался сердитый голос откуда-то из-за спин:

– А ладно бы назначить по дворам-то ховать...

Все оглянулись и не увидели никого, кроме прикорнувшего у теплой от солнца оградки древнего деда Пали.

– Дедусь! – позвали. – Ты чего?

– А? – обнаружил он удивление затрепетавшими веками и сообщил, трудно разнимая привыкшие к покою губы: – Придет час и воля Божия...

Не он, выходило. Народ подозрительно заглядывался и зашпешил по домам. Иные продолжали ругать строптивного старика, а кто и себя корил: давно на могилке не был, заросла.

Тем временем Анемподист с внуком копали могилу, подразумевая положить Екатерину Филаретовну головой к ветле, нечаянно выросшей из тына. В силе они теперь ровня – старый да малый, но подмога вышла от самой земли: пухом садилась она на лопаты и сходила так же легко. Гроб тоже дался на руки без особого труда: Екатерина Филаретовна не позволила себе и после смерти стать тяжелой.

– Иди, – отослал Анемподист внука, когда домовина мягко улеглась на дно...

Надолго задумался он, зарывать – руки не слушались. Мертвой плоти много повидал он – на войне, но тело жены никак не шло к тому разряду. Дома лежала – трогал лоб, руки, чувствовал холод, но не понимал смерти. Хотелось вынуть жену оттуда, взять за руки, встряхнуть легонько, как заспавшегося внучека...

– Зачем ты померла? – задавал он бесполезный вопрос. – Как мне теперь одному?

Анемподист посмотрел на остывающее солнце, перешел на другую

сторону огорода, откуда видно деревенское кладбище, и низко поклонился, прося прощения у близкой и дальней родни, оставшейся там, внизу. Набрал он на себя вины!.. Дочь вот не вызвал, не нашел – ну, тут вины немного, а внук-то рядом, в области. Соседи настаивали, да он отмахнулся: при жизни не нужна была бабка, чего уж теперь...

Он протянул взгляд от кладбища до своего дома, утвердил себя еще раз в мысли: здесь высоко, сырость не достанет. Что бы ему ни говорили, не мог положить он Екатерину Филаретовну в воду. Первым делом, конечно, останавливала мысль о ней самой, но еще примешивалась другая мыслишка, и, как ни стыдился ее Анемподист, она существовала. Смертное покрывало – вот что вертелось в голове. Будто в Анемподиста со смертью жены перешла ее чрезмерная бережливость в отношении к старому добру из сундуков. Надо сказать, покрывало то особенное, ткала его и расшивала священными знаками бабка Екатерины Филаретовны, готовившая и свадебное, и последнее приданое на многие колена родни вперед. Жена Анемподиста не допускала мысли, чтобы ее укрыли, как большинство деревенских, упокоившихся при ней, магазинной простыней, за десятку разрисованной заезжим богомазом.

– Да уж, нагрешил! – еще раз вздохнул Анемподист и пошел засыпать свою Екатерину Филаретовну землей.

Гоша сидел в отдалении, одинокий, напуганный. Со смертью бабушки он уже как-то свыкся, теперь беспокоил дед. В несколько дней его пронзительной синевы глаза помутнели, будто их облили молоком.

2

Весной Виктор Мокшин, старший внук Анемподиста, заметил, что по облакам кто-то ходит. То одно начнет изгибаться и провисать, точно панцирная сетка под ногами, то другое. Казалось, этот кто-то хочет прижать их к земле, холостые, давно не сбивавшиеся в тучи.

– Может, температура у меня? – подумал Мокшин и пошел ложиться в постель.

– От тоски это, Витенька, – посочувствовала хозяйка. – Где ж это видано, сколько у меня живешь – никто ни разу в гостях не был! Я же не запрещаю, дело молодое. – Она стала загигать пальцы, перебирая бывших своих постояльцев. – Славик – года не прошло как из армии – женился, Шурик с Наташкой и свадьбу тут сыграли, и с дитем полгода прожили, у Веры дочь родилась... – Она с серьезным видом оглядела кровать. – В общем, все жили как люди. А ты...

Вроде с добром человек, а задел больное: женщин он не знал и тяготился этим. Мокшин встал, насупленно посмотрел на смятую постель, вообразив себя

позорно изгнанным с этого славного ристалища. Вот возьму и съеду, – подумал он, как будто от этого хуже станет кому-то, а не ему самому.

Он подождал, пока хозяйка притворит дверь в свою комнату, и вышел на улицу. От кого-то – уже и не помнит – слышал он, будто в эту пору ходят по улицам в одиночку или парами женщины, к которым можно запросто подойти и после двух-трех пустых фраз пригласить к себе домой. И пусть слушает там за стенкой, – со злорадством подумал о хозяйке. Как все это может произойти в действительности, он плохо представлял. Какие они, ЭТИ женщины? Может, что-то у них особенное – в глазах, в одежде, в походке? Он вглядывался в лица, иногда останавливаясь, иногда обгоняя, чтобы лучше рассмотреть, – и ничего такого не обнаруживал, только замечал, что с каждым шагом все меньше и меньше хочется ему идти. Мысли толклись в голове, жаркие и беспомощные. Что ж он так вот ходит – никакого нового ощущения, никакого азарта... Ну что-то же должно быть!

Вот она! – заметил он у края тротуара женщину, поглядывающую по сторонам, как ему показалось, с ожиданием. И тут же во всем теле появился противный зуд. Отказаться от этой затеи, повернуть назад! Но Мокшин, пересиливая себя, направился к ней через дорогу, ощупывая ключи в кармане, – в разговоре как бы невзначай звякнуть ими или даже достать (тоже слышал где-то). Надо еще решить, что сказать при этом. Он замедлил шаги, лихорадочно придумывая первую фразу, но в этот момент женщина взмахнула рукой – и фыркнувшее выхлопом такси умчало ее. Внезапно образовавшаяся пустота на месте светлого пятна обдала его холодом, отрезвила. Вонзая ключи в ладонь, он побежал прочь с центральной улицы, во дворы. В одном из них чей-то игривый оклик пытался остановить его: молодой человек! – но он побежал еще быстрее, не разбирая дороги. Через минуту, не больше, опомнился, повернул назад, но того двора не нашел. Долго в ушах у него стоял тот ночной голос, долго не проходила злая тоска...

Женщины, – думал он, успокоившись, о своем заспавшемся естестве. – С девчонкой ни с одной толком не встречался. На вечерах в институте не отрывал глаз от студенток – именно тех! – у кого были парни. А другие – у стен, по углам? Что они, некрасивее своих удачливых подруг или просто более робки? Он тогда не думал об этом, просто не замечал их, других, довольствуясь наблюдением чужих отношений, точно кто-то раз и навсегда положил ему эту роль – наблюдателя... Дважды он влюблялся, но оба раза безнадежно, с самого начала обрекая себя на пустые страдания. Девушки были увлечены другими, и он даже не предполагал возможности что-то предпринять, чтобы обратить их внимание на себя.

Без пяти минут девять мужчины института «Гипроводхоз» в коридоре, курят, без двух – все на местах. Ровно в девять звенит звонок, и не успевает он стихнуть – все опять в коридоре. Мокшин не курит, он приходит на работу с

опозданием на пять минут и забивается в свой угол. У него уже есть замечание, предупреждение и выговор – все за опоздания.

– Вы что, Мошкин, – начальник отдела нарочно переставляет буквы в его фамилии (знай, мол, кто ты есть для меня), – не можете выходить из дому на пять минут раньше?

Мокшин не отвечает, не решается напрямую сказать, что опаздывает в знак протеста. Начальник сам заядлый курильщик, в любом помещении угадывается его недавнее присутствие – по стойкому ядовито-сладкому запаху одеколona и табака. Иные из сотрудников, увлекшись работой, закуривают прямо в отделе. Тут уж Мокшин не сдерживается, просит выйти, указывая на присутствие женщин. Однако сами женщины поддержки ему не оказывают.

Иногда он подкладывает курильщикам листочки, где записано, сколько те выкуривают сигарет за день, сколько на пущенные в воздух деньги можно купить хлеба, сколько лошадей можно отравить дневной порцией никотина. В отместку отдел проголосовал за избрание его в профсоюзный комитет, после чего стены учреждения облепили таблички с надписью «У нас не курят». В своем отделе Мокшин повесил плакат с изображением мощного кукиша, на большом пальце которого табличка с той же надписью. На другой стене рисунок: в верхней части – «У нас не курят», ниже – неопиcуемых размеров свинья с папиросой в зубах, а в облаке дыма значится: «А я курю!» Сначала Мокшин повесил свинью над столом начальника, но тот пригрозил строгим выговором, напомнив, что это – прямая дорога к выходу из конторы. «Тем более, – дополнил он, – экономически целесообразно сократить наш отдел этак на половину». Два эти слова – экономическая целесообразность – прижились в отделе, как пугало в огороде: поставлено, чтобы боялись, а никому не страшно. Чаще всего произносили их по поводу собственной деятельности, в основном – неудачных попыток охранить природу. Мудрено левой рукой исправлять то, что делает правая. Головной институт чествует центральные газеты, местный – местные. Пугалу тем уже лучше, что его никто не трогает. Потребуется, к примеру, отдел, где работает Мокшин, удалить от реки летний лагерь скота – нет, экономически нецелесообразно, и против этого довода все бессильны. Куда обращаться, в общество охраны природы? Там, в вышестоящих организациях, сидят нервные, напуганные люди, они воевать не станут. Случается, кто-то из беспокойной общественности пойдет обивать пороги, грозя хозяйственникам грядущими проклятиями потомков. А что тем, реалистам, до каких-то далеких неприятностей, когда их за недопоставку молока уволят сегодня же?..

На следующий после разговора с начальником день в отделе появился новенький. Все, – подумал Мокшин, – замену готовят, – и решил сам писать заявление – подумаешь! Однако новенького усадили на место корректора Вали Птицыной, ушедшей в отпуск по беременности. Должность ее – самая незначительная в отделе, самая низкооплачиваемая. Неквалифицированный, –

решил Мокшин и не стал спешить с заявлением. Нового работника как-то не очень заметили, начальник даже не представил его, но того общее невнимание не тронуло. Он сидел на своем месте и разглядывал формуляр, подсунутый начальником.

– Виктор, – Мокшин протянул руку новенькому, когда мужчины вышли на перекур.

– Николай. – Рука тонкая, воздушная. – Ваша работа? – Он кивнул на кукиш и перевел взгляд на доску приказов, где сиротливо выцветал листок с давнишним выговором.

К концу дня Мокшин решил, что у него появился союзник.

– Ты где живешь?

Николай неопределенно махнул рукой.

– Пойдем сегодня ко мне? – неожиданно для самого себя предложил Мокшин.

Николай слегка усмехнулся – чуть, уголками губ, – и от этого едва уловимого движения показалось: он ждал приглашения...

– Вот наш гость, – представил Мокшин нового приятеля хозяйке. – Николай.

Ужинали в большой комнате, что означало расположение хозяйки к гостю. С виду Николай казался тихим, напуганным даже, однако говорил твердо, уверенно, что придавало особенный вес его словам.

– Хорошо у вас, – кивнул он на окно.

– Да что вы! Не знаю, как избавиться от этой халупы.

– Тихо как!.. – Он словно не слышал.

– От этой тишины с ума можно сойти. Хорошо, вот сейчас Витя живет, а одной бы как? Было время, надоели мне квартиранты, уж прости, Витенька, решила одна пожить. Так мне те ночки до сих пор кошмарами приходят. Лежу в темноте и слышу: у окна кто-то толчется. Там, с ветру-то, сугробы до форточки намело – а он ходит! Окно двойное, закрыто наглухо, только я дыхание чье-то слышу, будто рядом совсем, над ухом. Свет включить – еще хуже: мне ничего не будет видно, а тому все. Заказала щиты деревянные на окна, стала изнутри закрывать – через некоторое время под дверью начали скрестись. Нет уж, не приведи Господь!..

Хозяйкин дом, собственно говоря, домом-то не был. Самый настоящий гараж. Когда-то часть его отделили кирпичной перегородкой и устроили за ней квартиру. Соседство машин особенно не мешало, от людей шума куда больше, к тому же, когда хозяйка приходила с работы, в гараже редко кто оставался. Работала она швеей на фабрике, а вечерами убирала в небольшой организации неподалеку от дома – подрабатывала. Было, правда, одно неудобство в гаражном соседстве: утрами комната, где жил сейчас Виктор, наполнялась выхлопными газами: машины выезжали. Он тщательно обмазал места, откуда выходили трубы

отопления, другие щели в стене, однако это мало помогло. А так – жилье как жилье: кухня, туалет и даже ванна. По всей вероятности, окна прорубали в стенах уже готового здания, потому они получились разные по величине и вдобавок косые. Но хозяйка повесила шторы так, что неровностей не было заметно.

Окна хозяйкиной комнаты выходили на небольшой участок земли, доставшейся ей вместе с квартирой.

– Что там у вас? – Николай все не мог отвести взгляд от окна.

– Огород, – усмехнулась хозяйка. – Лук, редиска, больше ничего путем не растет – света мало, солнце, почитай, все время за домом прячется, да и земля – шлак один... Как из деревни уехала, все мечтала огород свой занять. – Она опять усмехнулась, только совсем уж невесело. – Заимела... Лет пять назад Паша привозил немного навозу – огурцы сажала. Один слой и сняла-то всего, сезон отошел, пока поспели. Да если б побольше привез – как украл. Сначала себе навозил, что осталось – сюда...

После чая Мокшин с Николаем вышли во двор. Перед гаражом – шеренга машин, некоторые разобраны, на ремонте, другие доживают, ржавея, их место в гараже заняли новые. У самого входа в дом врос в землю полуприцеп, заваленный хламом, рядом с ним хозяйка выгородила досками небольшую клумбу. Теперь на ней дружно цвели анютины глазки.

– Слушай, Николай, оставайся сегодня у меня, куда сейчас, поздно уже. Спать есть где, а завтра на работу вместе пойдем.

Николай молчал, внимательно разглядывая что-то на руке.

– Комар! – Он тихонько подул, и насекомое улетело. – Первый, – виновато улыбнулся.

Хозяйка вытащила из кладовки старую односпальную кровать на жесткой сетке, застелила.

– А веселые были времена! В той комнате я с сестрой и племянницей, здесь Александр, брат младший, и два его приятеля. Ничего, всем места хватало...

Потом пили кофе, и хозяйка предложила погадать на кофейной гуще. Взяла у Николая чашку, перевернутую на блюдце, – и отшатнулась в изумлении: ни одной кофейной крупиночки не осталось на фарфоре! Подняла свою чашку, затем мокшинскую – гуща тяжелыми потеками застыла на обеих. Хозяйка, недоуменно пожимая плечами, отправилась к себе.

– А кто такой Паша? – спросил Николай, когда она затихла в своей комнате.

– Любовь ее старая. – Мокшина смутила и чистая чашка, и потянувшаяся затем долгая пауза, оттого он с готовностью отозвался. – Лет десять уже знакомы – ни сойтись, ни разойтись. Вообще-то он скотина порядочная, появляется в лучшем случае с похмелья, в кармане бутылка чего подешевле – вместо цветов.

– А она?

– Выгонит – назавтра сама к нему бежит. Возвращается злая – не

попадайся под руку. То кого-нибудь застанет у него, то вообще не дождется, то поразругаются. Клянется всеми святыми: не пойду больше и к своему порогу не пущу. Месяц пройдет – все сначала...

Мокшин проснулся, едва занялся рассвет. Приподнял голову – и вскрикнул испуганный: вместо Николая лежал какой-то старик с черным, измятым временем лицом, по которому растекалась отвратительная глумливая улыбка. Зажмурившись, Виктор несколько раз тряхнул головой и тут же вскочил. Нет, конечно, показалось спросонья, – убедился он, подойдя к Николаю на шаг. Неверный утренний свет через неплотно сдвинутые шторы узкой полосой падал на постель. Темные волосы, откиннутые назад, открывали высокий чистый лоб и без видимой границы уходили в темноту. Показалось, что лицо не освещено, а само излучает свет. В пионерском лагере, чтобы обмануть воспитателей, Мокшин делал из одеяла куклу и удирал с «тихого часа». Сейчас, хотя он видел Николая прекрасно, было ощущение: подойди тронь – а там никого.

– Коля! – тихонько позвал он.

Не слышит, спит. Дурак я, – подумал Мокшин и вернулся к себе на постель.

3

Деревня Бугрышиха доживает свой век, держась на немногих, оставшихся здесь покуда, стариках все больше. А те, в свою очередь, держатся за нее. И напрасно, считают их дети, отстроившиеся или получившие готовое жилье в соседнем поселке с названием Вперед, на берегу большого озера Утичьего. Стариковское упрямство – и больше ничего.

– Что нам в вашем Упереде? – отбиваются деды.

Никто здесь не скажет: в поселке Вперед, – к примеру. В Упереде – так языку проще.

Есть в деревне несколько хозяев в средних годах, у них работа под боком – на откормочном комплексе. Но и эти посматривают на поселок, где им обещаны дома с удобствами. А тут еще беда на Бугрышиху навалилась: полы пропадают в избах, гниют – чуть ли не каждый год перестилать приходится. От сырости, известное дело. У нижних хозяев по той же причине картошка в погребах преет с самой осени. До нового урожая на себя подкупать приходится, а скотину чем кормить?

На другой день после похорон Анемподист наблюдал, как увозят из Бугрышихи деда Палю. Мерзнущей птицей сидел тот на подводе, обняв старую рассохшуюся бочку. Что он берег в ней?.. Вез его к себе внук Семен, совхозный

агроном-семеновод, полтора года назад закончивший институт. Как ни уговаривал он деда сесть в машину – бесполезно, лошадь подавай. Этот кураж – последние остатки протеста слабого старика, Семен понял это, уважил.

– Помереть-то дали б человеку на месте! – крикнул в сердцах Анемподист, но его вряд ли услышали.

Вскоре явился председатель сельсовета. Он долго топтался у калитки в смущении, то и дело поднося руку к фуражке форменного образца. Анемподист не предложил ему войти во двор, молчал насупленный, расценив приход гостя как напоминание, что тот при службе.

– Вишь вот как, – с трудом начал председатель.

– Ну? – нетерпеливо оборвал его Анемподист.

– Оно, конечно, горе, – последовало неуверенное продолжение, – так ведь и у других... Опять же предки.

– Со своими предками сами разберемся, а до чужих дела нет.

– Земля-то – собственность государственная, – держась в умеренном тоне, указал председатель на свежий холмик, – она у нас, у всякого, во временном пользовании.

– Это у тебя все до времени – и земля, и служба... Вот посодют – отберут.

– За что ж меня посадят? – опешил председатель.

– За превышение власти, на первый случай.

– Вона! – Гость нервно щипнул кустистую бровь. – На вас-то я не добрал ее, власть свою, а жалко... Ну и племя! Все к себе, по сундукам да по углам, покойников – и тех со двора не пускают.

– Ты покойников не тронь! – В голосе Анемподиста послышалась угроза.

– Вы ж, поди, мусор под порог складываете? – не унимался председатель. – Их вот, – он мотнул головой в сторону вышедшего на шум Гоши, – в школе учат: посади яблоню у дороги...

– Дураки учат. – Дед сделался вдруг спокойным. – Яблоня – дерево хозяйское, за ним догляд нужен, а у дороги – разве ты об него спину потрешь... Расходился тут, воин тыловой! Бабий пугальник!

Председатель побагровел, часто задергал грудью, задыхаясь.

– Я!.. Я при службе был, у людей на виду, а вот ты неизвестно где отсиживался.

– Не я, – широко улыбнулся Анемподист, – стоять бы Берлину до сих пор. Правда, мне ребята помогли, мильен их было...

И, отвернувшись, ушел в глубь двора, обиженный на себя, что скандалил у могилы жены.

В войну нынешний председатель был участковым на несколько деревень в здешней округе. Забрел он однажды на Анемподистово подворье, а там как раз солдатка Екатерина развешивала на солнышке бабкино добро из сундуков.

– Эт-то что такое?! – рванул он с пряслины полотенце. – Наши на фронте

головы складывают, а они тут флаги с фашистскими крестами поразвесили!

– Они ж старые, – лепетала перепуганная насмерть Екатерина, впервые, может, обратив внимание на кресты, вышитые по краю полотенец.

Строгий милиционер велел сжечь приданое, не то, пригрозил, отправит ее куда надо. Екатерина взялась было жечь, одно полотенце загубила, но на большее рука не поднялась. Остальное вынула из сундуков, спрятала в пустующей стайке. Впервые, считай, ослушалась власть, ох и страху натерпелась! Назавтра милиционер опять приходил, перетряхивал сундуки, шарил по дому. Был еще несколько раз, ругался, пугал.

Вернувшийся с войны Анемподист покрутил полотенца так и этак, попримеривался взглядом к крестам – и отложил, не до полотенец было. Но нет-нет и встревожит мысль: обижали ж тут Екатерину, по делу ли? Не утерпел Анемподист, отправился с полотенцами в город, и там знающие люди все ему объяснили. Шитье прошлого века, свое, русское, кресты на нем – символ солнца, и смотрят, вишь, посолонь, по солнцу то есть, дорогу к свету, к добру показывают. А что фашисты те кресты себе взяли – так мало ли в мире зла творится под прекрасными символами...

Какое солнце? – не принимало сердце Анемподиста это новое знание. Сколько он их видел, крестов этих, – страх и злость – вот на что они указывали. Знающий человек в ответ пожал плечами и удалился в музейные покои.

Анемподист поостыл, подумал и зачем-то рассердился на себя. Тьфу ты! Сколько лет прожил!.. Хотел было тут же идти к милиционеру, да сдержался: надо еще подумать. Объяснялся позднее, при случае, со спокойной обстоятельностью музейного работника.

– Тут еще кони и птицы, видишь? – показывал милиционеру. – И все парами, стало быть, к семейному ладу направлены. Оно и так посмотреть – у полотенца два конца, милому и милой...

Однако разговор тот не наладил их дальнейших отношений, и при первой же встрече Анемподист напомнил милиционеру его тыловые подвиги.

Через некоторое время, когда страна едва прихватила латки на военных прорехах, в деревне появились люди из городского музея. И сразу – к Анемподисту. Екатерина Филаретовна, увидев среди них сотрудника, изъеденного какой-то хворью до близкого сходства со щепой, прижала руки к сердцу:

– Божий человек!

И только для него одного согласилась извлечь на свет бесценные бабкины запасы. Но сколько ни просил прозрачный служитель истории, сколько ни уверял, что в городе сушить, проветривать покрывала, полотенца и накидки будут куда чаще, чем это делает она, не согласилась уступить ни одной вещи. В войну не извела, страху какого натерпелась с ними – нет...

– Пропавший день! – вздохнул Анемподист. – Сколько их теперь таких будет? – Он посмотрел на закат, открывший у края хмурившегося весь день неба неширокое окно прозрачно-золотистого цвета, и будто толкнуло что-то: для него иссякла хмарь там, у горизонта. Вот сейчас, сию минуту увидит он в этом внезапном прогале... На мгновение возникла уверенность: загадай он на дорогую потерю – и тут же будет она вновь обретена через таинственные небесные врата... Но мгновение прошло. Анемподист оглянулся в растерянности и увидел сидящего на земле перед самой могилой внука. А когда вернулся взглядом к горизонту, прозрачная глубина начала мутнеть, и ее, остывающую, рассекло пополам тонкое лезвие облака.

Осталось ощущение брошенного издалека взгляда, краткого, но пристального, оценивающего, даже будто предостерегающего. От чего? В беспокойстве оглядел он сиротливое подворье, огород с редкими буртами не ссыпанной в погреб картошки, вспомнил, как Екатерина Филаретовна всегда аккуратно вскапывала недопаханные углы, и пошел сгребать серую, похрустывающую под граблями ботву. Поработав, подумал, что теперь, наверно, можно ему снова курить. Поднялся в дом, достал трубку, помял пересохший табак. Три года как бросил, с того утра, когда жена пожаловалась:

– Дышать что-то трудно стало.

Анемподист растер щепоть табака до пыли, понюхал пропахший на века чубук и убрал припас на прежнее место.

Поздним вечером, в темноте почти, стояли они с внуком у ограды. Краем Бугрышихи вытянутой подковой покоилось озеро Гориное, а дальше, у поселка Вперед, в последних отсветах заката мерцала широкая гладь Утичьего. Внизу, в согре, всего три года назад зеленели березы, а под ними цвели по весне купальницы и марьины коренья. Теперь там болото в вешках худосочных белых стволов – точно кто-то, отняв штандарты у побежденного войска, оставил ему в насмешку пустые древки.

– Деда, а ведь тут уже было болото, – тихо сказал Гоша. – Давно только очень.

– Почем тебе знать? – повернулся к нему Анемподист.

– Ледник здесь проходил, я читал, Гориху ледяной плотиной перекрыло – и получилось озеро. Потом вода упала, из того озера получилось два – наше и Утичье, а тут, между ними, болото. После травой, лесом заросло... Был тут лес, не знаешь?

– Так сплошняком, сказывают! – Дед удивленно посмотрел на внука. – Во-он бор, – он направил палец в темноту за согрой, – и здесь – все едино было... Да мы отчего-то лес не любим, садимся на место и начинаем сечь его, палить вкруг себя – прогоняем...

– Может, из этого болота опять лес вырастет, как тогда?

– Как знать?.. Тогда земля сама тут распоряжалась, сама себе хозяйкой

была...

4

Полгода назад новичка с дипломом Виктора Мокшина, по словам проектировщиков-ветеранов, посадили на проект. До него оросительной системой занимались другие, уволившись по разным причинам. Народ в институте не держался. Досталась ему третья очередь этой системы, благодаря чему он мог иметь представление о конечных результатах работы: две первых уже действовали. Вода, в свое время отнятая у степи неумелыми хозяевами, возвращалась с большим сопротивлением: размывала берега канала, рассекала землю оврагами, обрушивала, заиливала дренажные колодцы. Все это Мокшин видел своими глазами, однако считал поправимым. Дело в том, что в последние годы институту все больше отпускали денег на разработку природоохранных мероприятий. Начальник отдела довольно потирал руки: на деньгах сидим! – а сотрудники добросовестно вносили в проекты дренажные сети, участки залужения, лесопосадки вдоль каналов. Время заставит! – обещал директор института, отвечая на вопросы, почему до сих пор не сделано ни одной посадки по проектам, почему дорожники, гидро– и прочие строители плюют на их требования?.. Кого заставит? – на этот вопрос ответа не мог дать даже директор.

Хозяйка сама предложила Николаю пожить пока у них. Обрадованный Мокшин засуетился.

– Хочешь, я тебе свою кровать уступлю? Она помягче. Я-то на жестком больше люблю.

Когда они в первый раз отправились на работу вместе, он всю дорогу строил планы их совместного проживания и не заметил, что пришли они на службу вовремя. Все сидели на своих местах, курить никто не торопился. Мокшин удивленно повел глазами в сторону начальника. Тот, как ни в чем не бывало, достал из кармана сигареты, закурил – и тут же, громко чертыхаясь, выскочил вон. На столе осталась сигарета с опаленным фильтром: прикурил не с того конца. Эта попытка надымить в отделе была в тот день первой и последней.

Выйдя в коридор, Мокшин обратил внимание, что там никого нет. Странно, – удивился опять и отправился к закутку, называемому в институте аппендиксом. Там отведено законное место для курения, на что указывала табличка. Заглянув в аппендикс, Мокшин обнаружил, что табличка исчезла. Осталось светлое пятно на закопченной стенке.

– А где табличка? – поинтересовался он у единственного курильщика.

– Говорят, ваш начальник вчера снял и принес нашему на день рождения.

Веселился народ – лучший подарок. А жена именинника якобы повесила табличку на балконе и следом пообещала переселить туда его самого.

– Зачем вы сняли табличку? – решительно подошел Мокшин к начальнику. Тот посмотрел на него с небывалым вниманием и сказал миролюбиво:

– Пускай вон вниз идут дымят, одно дело свой дым нюхать, а оттуда потянет – святых выноси.

Решив, что его разыгрывают, Мокшин украдкой огляделся. Все занимались своими делами, на него внимания не обращали.

– Ты ничего не заметил?

– А что? – Николай оторвался от формуляра.

– Не курит же никто, видишь?

– Надоело, должно быть.

Весь день Мокшин провел в ожидании какого-нибудь подвоха и теперь шел домой в полной растерянности. Странно все это... Николай обещал появиться позднее.

Хозяйка притушила улыбку, когда увидела Мокшина одного. На кухне стояла огромная миска салата из овощей.

– На рынке была, – пояснила хозяйка.

– Ура! – завопил тут же забывший про все Мокшин. Он очень любил салаты. – Сезон открывается!

– А где он живет, Николай-то?

– Где? – Мокшин вдруг сообразил, что до сих пор не выяснил этого. – Придет – расскажет.

Николай появился часа через полтора. Он катил перед собой тележку наподобие тачки – с одним колесом и двумя ручками. На ней два ящика, в одном консервные банки, в другом помидорная рассада.

– Ну и масштабы у тебя, кормилец! – выразил восторг Мокшин, с трудом оттаскивая ящик с консервами.

– Загубим рассаду, Коля, – грустно улыбнулась хозяйка. – Я же говорила, не вырастает здесь ничего, а это – помидоры, им сколько назъму надо и солнца!

– Попробуем, – тряхнул головой Николай. – Где у вас тут лопата?

После огорода Мокшин взялся открывать консервы.

– Ха! Вы только посмотрите, это же тушенка из хвостов – собачья радость!

– Почему собачья? – удивился Николай. – Я ел, нормально.

– Не слушай его, – успокоила хозяйка, – с картошечкой, с лучком поджарить – милое дело. А ты, Витя, вроде как на барских харчах вырос.

– Так ведь это называют так, а вообще-то я – с удовольствием.

За ужином все то и дело поглядывали в окно: как там помидоры? Они поникли, всеми листочками уткнулись в мокрые лунки, будто полили их кипятком. Хозяйка забыла про чай, не отрывала мечтательного взгляда от зеленых кустиков. Лицо ее утратило обычную живость, застыло, такой Мокшину

приходилось видеть ее редко. Маленькая, круглая – колобок – она словно каталась по дому, успевая одновременно и готовить, и шить, и убирать...

Неожиданно хозяйка спросила Николая:

– Ты в Морфлоте, случаем, не служил?

– Нет.

– Это я так, – смутилась она, – был один знакомый, похож на тебя и звали тоже Николаем. Блондин только... Сейчас бы за него пятерых таких, как Паша, не пожалела. Дура была!..

5

По обе стороны высоко поднятой дороги, разделяющей поселок Вперед надвое, вытянулись зазеленевшие от долгой жизни лужи. С весны и до нового снега они густо заселены свиньями и водоплавающей живностью. Тут же телята, задумчиво погрузившиеся в жижу по колено.

– Ишь ты, как после потопа, – оживившись, заметил библейски образованный дед Паля.

Палисадник пуст, как у большинства новых домов, выстроившихся улицей, белье на веревках полощется. В прихожей два котенка спят возле банки с молоком. Сытые, – отметил дед. Он неторопливо осмотрелся в новом жилище: на входе портьеры, перевязанные шелковыми лентами, счетчик – безобразная черная нашлепка на побелке прикрыт тюлевым чехольчиком, дорожка, коврик у кровати.

– Все сам? – показал дед на простыни за окном.

– Сам. И готовлю, и стираю. – Семен горделиво пристукнул по столешнице банкой с грибами. – И вот это, попробуй.

Дед взял со стола раскрытую книгу, глянул на обложку.

– «Американская трагедия», – прочитал с трудом и добавил, подумав: – Жениться тебе надо.

– А женюсь! – весело пообещал внук. – На будущий год, как раз об эту пору. Грибов насолю – а к тому времени невеста на экономиста доучится. И заживем. Нинка сельсоветская, знаешь?

– Сговорил ужо?

– А куда денется?

Примерившись взглядом к Семену, дед перебрал в уме, сколько смог вспомнить, родовой куст и отметил, что мелковат их род, неприметен глазу. Оттого жить приходится характером. И Сенька вот, последний отводок, невиден, рыж, вихор ребячий еще не загладился – мальчишкой дразнили: теленок нализал

спящему. А норовист – это видать... Нинка, значит... Имя осталось у деда в голове, а вот чья она будет – забыл.

– Полежать бы мне с дороги-то, сынок. – И уже с дивана, бесшумно принявшего его, посоветовал: – Красиву-то не бери...

Отец Семена, лихой целинник, освоил здешние земли и с черным суховеем, неизвестным в этих местах до сих пор, увился осваивать таежные просторы. Адреса не оставил. Мать, на чью долю не достало семейного характера, тихо жила со своим отцом и сыном, пока не позвал ее стареющий бобыль из недалекого села их же района. Семен тогда уже учился в городе, и ей приходилось делиться на два дома, в свободные дни наезжая к отцу, чтобы обиходить его самого и дом. С собой не звала, видно, запрет имела и оттого, собираясь назад, всякий раз плакала. Дед понимал и успокаивал, как ему казалось, с хитростью.

– Сколько раз говорено – и будет! Не тронусь с места, покуда Сенька не воротится...

К середине учебы Семен стал свидетелем поругания системы земледелия, общепринятой в его краях и обширно изложенной в институтских учебниках. Ослабло доверие к преподавателям, скоро поменявшим свои взгляды, зато укрепилось решение вывести свой собственный сорт пшеницы с более коротким сроком созревания, чем у существующих. Впрочем, подобные планы строил едва ли не каждый слушатель их факультета.

Про пшеницу Семен надумал в студентах, а до того у него уже был замысел, может, не такой масштабный, но и не сказать чтобы простой. Небывало расплодился у них на землях курай, привычно называемый перекасти-поле.

– Зловредное растение, – говорил ему пожилой совхозный агроном, – семена плохо отбиваются от пшеницы, схожие по весу и размеру. А их с одного куста до тысячи, семян этих. Бороться – поди, поборись, если никто толком не знает, сколько семя может в земле храниться. Одни утверждают, до четырех лет, другие – до пятнадцати...

За годы учебы Семену не удалось поднять ни одного росточка курая. Клал семена и во влажную землю, и в сухую, вымачивал, калил на морозе, держал в магнитном поле – все впустую. Раскопает, посмотрит – одна оболочка на месте, сердцевинки как не бывало.

С тем и вернулся Семен в совхоз, но, кроме того, – с твердым намерением добиться для себя опытной деланки. Определили ему должность агронома-семеновода – лучше не придумать. Должность должностью, только к тому времени старый агроном сделался совсем больным, и на Семена легли все его обязанности.

– Ячмень семенной у меня подопрел, крыша какой год дырявая, – рассказывал он деду, не заботясь, интересно ли тому. Наскучился один-то в доме. – Клещ завелся – протравливать надо. В район на анализ повез – мало, говорят,

перетравливай. Взял тогда – и прямо в мешок с пробой насыпал химиката. Замерили – теперь, говорят, порядок, норма. Отправили в область – оттуда телеграмма: что наделал, отравил все семена!.. Агрономы, дед, все сплошь обманщики. – Семен засмеялся, и яркие его веснушки сбежались к переносице. – В прошлом году установку дали: сеять позднее обычного. Мы под козырек, а соседи раньше всех отсеялись. Им выговор, нам – ничего, зато осенью они с хлебом, мы – со щами. Так нынче я ученый, сводки липовые давал: засеяли, к примеру, семьдесят процентов – даю тридцать. Пока до урожая дойдешь, мордой по стиральной доске из выговоров и накачек протащат.

– Сеня, – дождался паузы дед, – надо бы погреб в нашем доме подправить, творило, гляди-ка, совсем пропадет.

– А этот не наш, что ли? – нарочно рассердился Семен. – И погреб тут тебе, и вода. – Он показал в угол, где торчал медный кран. – Говорили, говорили – опять он свое.

– Мы вот с тобой тут, а он там один... Окна бы чем заделать, побьет кто ненароком.

– Знаешь что, – на ходу придумал Семен, – давай в Бугрышихе огород будем сажать, картошку хотя бы. Здесь все равно земли не хватает. И получится у нас вроде дачи, как у городских.

– И я с весны туда – как хозяйству без догляда? – оживился дед.

Семен протяжно вздохнул и начал собирать на стол, нарезать хлеб.

– Ты пошто его вниз головой-то? – Дед обеими руками определил ополовиненную буханку как надо, легонько погладил поджаристый верх, точно попросил прощения за внука.

– Дедусь ты мой единственный. – Семен присел перед ним на корточки, положил руки ему на колени – и беззащитная острота их отозвалась больным уколом в груди. – Подожди вот, – справился он с дыханием, – и хозяйством обростем, и правнуки у тебя появятся, будешь с ними на озере гулять. А какое озеро-то стало, Утичье, не видал? Вот пойдем – покажу. Нынче скважины пробурили – поднялось, куда до него Гориному!.. И мамке нашей будет полегче, так ведь? Забегалась она с нами...

Поздно вечером к Семену по дороге из клуба заглянули две девчонки. Из своего угла дед слышал их чересчур резкие голоса, потом почувствовал запах табачного дыма. Курят! – удивился, зная, что Семен табаком не балуется. Когда гости ушли, он скорее утвердил, нежели спросил:

– Невесты.

– Ага, – усмехнулся Семен, – знают, чем нашего брата, городского студента, взять... Спи, деда, я еще немного поработаю.

Деду Пале жалко девчонок, ищущих что-то в ночном неотзывчивом селе, и вместе с жалостью пробудилась досада на внука: вишь, насмехается!

Тем временем Семен достал толстую тетрадь в клеенчатом переплете,

записал: «Проверил все контрольные высевы от года до пяти, нигде нет целого семени – одни оболочки. Посеял семена этого года, прошлого и трехлетней давности. Как поведут себя эти?» Перелистал тетрадь, задержался на странице с единственным словом: выведенным большими печатными буквами – «сортоиспытания», – и отложил в сторону. Сейчас больше заботило другое: резко упала урожайность трав на поливе, для совхоза это беда – чем кормить телят?

Откормочный комплекс и без того не оправдывает себя: привесы ниже средних. Семен видел на поливных землях проплешины с белесым налетом. Солонцы? Откуда бы им взяться?

Он размешал в стакане пять ложек растворимого кофе, выпил и через несколько минут заснул.

6

Разъяренный начальник отдела метался от стола к столу, то и дело поминая экономическую целесообразность, исходя из которой давно пора прикрыть эту лавочку – их институт. Он ездил смотреть летний лагерь для скота, перенесенный по требованию отдела подальше от реки. Убедился на месте: все сделано как надо – забетонированная площадка, скважина, специальное хранилище для навоза. Умиротворенный (какая ни есть – победа), решил прокатиться; вдоль реки и несколькими километрами ниже увидел поднявшийся на берегу новый мясокомбинат.

– Два, десять тех лагерей – тьфу по сравнению с этой гигантской вонючкой! – кричал начальник, обращаясь почему-то к Мокшину. – Где проект? Кто привязывал? Почему мимо нас?..

Начальник сейчас напоминал борца, с блеском выигрывавшего тренировочные поединки и не сумевшего победить в ответственном бою. Впору пожалеть человека, но вместо жалости Мокшин почувствовал сильное желание зевнуть. Сдержался с трудом, даже скулы заломило от усилий, и вдруг захотел, чтобы начальник кричал действительно на него. Пусть бы он был виновен, чтобы хоть что-то настоящее было! Пусть бы его оскорбили, чтобы он смог написать заявление и уйти отсюда, с этого бесполезного места. Его проект – он почти готов, со временем вступит в строй третья очередь канала, его очередь. И будет с ней то же, что и с первыми двумя. Или нет? Кто скажет наверняка?

Недавно он снял со стены курящую свинью, а нынче достал плакат из стола, скрутил в тугую жгут и сунул в карман.

Накануне они с Николаем говорили о скуке, о жизни человека вообще, почему она, удаляясь от начала, непременно убавляет ему радость? Может, это от

одиночества, – предположил Николай, – из-за отсутствия близкого человека? Мокшин поморщился: у всех одно на уме.

– Иногда мне кажется, будто сижу я на краю пустоты: себя ощущаю, а пространство – нет. Впереди пусто, оглядываюсь – позади то же, и выходит: не на краю сижу, а в самой середине. В середине пустоты... Пятница нужен на острове, Коля, зачем он в открытом океане?

– Пойдем-ка поливать помидоры, – остановил его Николай.

– Помидоры? Можно, – вяло согласился Мокшин.

Все кустики принялись и весело топорщились в лунках. Николай протащил через окно шланг, опустил его в бочку, Мокшин черпал воду ведром. Вдруг Николай сдвинул конец шланга и направил струю на приятеля.

– Ты!.. Ты!.. Ах ты!.. – И Мокшин из ведра окатил того с головы до ног. Они кинулись было друг за дружкой, но тут же встали – в огороде не разбежишься.

Вечер был теплый, от нагретой за день земли шел запах бензина, смешанный с ароматом вечерних цветов. Хозяйка открыла дверь настежь, поставила чай на кухне, поближе к выходу. Мокшин от чая отказался, он решил погулять перед сном.

Последний фонарь, так и не дошедший до гаража, маячил в сотне метров впереди. Мокшин приближался к освещенному пространству, и ему казалось, будто он выплывает из бесконечного космоса навстречу обитаемой планете. Еще несколько шагов – и ему уже не хочется туда, к свету, к растворенным им теням.

Почему все-таки ему не везет? Что за черту переступил он однажды?.. Ответа ни от кого он не получит – Мокшин это понимал.

Николая дома не оказалось. Мокшин посидел немного один, снова вышел из дому и подался к реке. Ветер, как обычно, унялся еще с вечера – даже листья не дрогнут в застывшем воздухе, – но тишину нарушали какие-то непонятные звуки, доносящиеся с берега. Он спустился по тропинке и увидел Николая. Тот, сидя на корточках у самой воды, хлопал по ней ладонью. Резкие эти хлопки, точно выстрелы, разносились, отраженные неторопливо утекающей водой.

– Ты чего это? – удивился Мокшин.

Николай оглянулся, но не попал взглядом на Мокшина. Так, не замечая и не отвечая, он пошел тропинкой наверх.

На следующий день, придя с работы, они застали хозяйку за стряпней. Мокшин потянул носом.

– Пирожки с капустой – угадал?

– Мне, мальчики, некогда, достряпаете тут сами, а эти я забираю. – Она сложила горячие пирожки в пакет и кинулась к выходу. У самых дверей остановилась: – Паша, идиот гремучий, руку сломал, доигрался...

В это время раздался звонок, и на пороге появился Паша собственной персоной. Правая рука в гипсе, в левой авоська с шампанским, под мышкой –

слегка примятые пионы. Паша улыбался во все свое широкое лицо, наслаждаясь произведенным впечатлением. Сейчас, когда он стоял в дверном проеме, закрывая его почти полностью, было видно, насколько он широк весь. Приземистый, большерукий, златокудрый – в эти минуты он был хорошим рабочим парнем, и никакой дури в нем не подозревалось. Жадность? Нет, и это не про него.

– Вот, братцы... Свататься пришел.

Паша объявил о цели своего визита, не взглянув на хозяйку. Зато она оглядела жениха с головы до ног. Потом прошла на кухню и стала выкладывать пирожки из авоськи.

– Помогите, ребята!

Мокшин и Николай, мешая друг другу, схватились за посуду, достали новую гобеленовую скатерть – гордость хозяйки. Паша тем временем безуспешно пытался всунуть пионы в узкогорлую вазу. Вскоре стол был готов, и некоторое время все молча любовались праздничным его видом.

– Можно мне?

Хозяйка по-гулевому пальнула шампанским, но разливать не стала, протянула бутылку Мокшину. Пашу, очевидно, начало беспокоить непривычное сочетание трезвости и неизвестности, и он пошел в наступление.

– Жить будем у меня, – он почему-то обращался к Мокшину, будто с ним и предстояло ему жить, – окна прямо на бор смотрят, представляешь? А этот гараж вам отхлопочу – живите! Вы только помогите мне мотоцикл купить, «Урал». Плачу восемьсот рублей сверху. Сейчас, конечно, «Урал» трудно достать, можно на первый случай мотороллер с кузовом. Я его, если надо, за три цены опрокину любому дачнику – вещь! Нынче на таком с соседом навоз возили, чуть не по тонне нагружали. Транспорт мне позарез нужен: земли пятнадцать соток, то одно, то другое...

– Паша, – подала голос хозяйка. – Я-то у тебя где жить буду, в саду или на квартире?

– Как? – не понял он.

– А так. В квартире у тебя мать управляется, а вот в саду некому, правильно?

– Да я сам люблю в земле копать. С халтуры уйду – все саду отдам, можешь не притрагиваться.

– Зачем же тогда все, Паша? Очередь подошла последние приобретения сделать? Все теперь есть, кроме транспорта и бабы...

Паша обиделся и засопел.

– Ладно, – миролюбиво продолжила хозяйка. – Только у меня условие: никаких мотоциклов, мне нужна машина.

– Вот глупая! – оживился Паша. – А на что мне, по-твоему, гараж в кооперативе? Для мотоцикла? Это ж так, разбежка, дитю ясно!

– Может, ребятам выйти на минутку? – спросила вдруг хозяйка.

– Для чего? – уставился Паша на нее.
– И правда незачем, – устало согласилась она. – Достану я тебе мотоцикл, Павлик, всех знакомых подниму – достану. Чем хошь поклянусь!
– Что ты! Достанем, конечно. – Ее горячность озадачила Пашу.
– Только ты не приходи больше...
– А-а, опять твои штучки! – взвился было он, но она так безнадежно махнула рукой, что он понял: продолжать не стоит.
Жалко, – подумал Мокшин, – праздника несостоявшегося, скатерти, которую не успели залить шампанским.
Хозяйка закрылась в своей комнате и до утра не выходила.

7

Накануне Анемподист копал огород. Давненько не занимался этим, зачем, если по весне трактором все вспашут. Да вот приспичило, сам только не поймет чего ради... А утром он заметил на копаном следы. Легкие, – хотя человек, похоже, шел, однако ребенок малый тяжелее бы ступал, – тянулись они от могилы через огород. Он подошел к тыну, проследил дальше направление едва приметной тропки и увидел крошечное озерко, которого вчера еще не было. В другое время этот маленький водоем он не стал бы называть озером – лужа и лужа, чего там, – но неведь откуда взявшаяся вода светилась необыкновенно чистой голубизной. Анемподист поднял голову и обнаружил небольшую проталинку в облаках, оконце наподобие того, что наблюдал недавно у горизонта. Спустившись, он попробовал воду рукой – ледяная. В одном месте студеная прозрачность озерка открывала мерно пульсирующий родник. Толк! толк! – выходила из земли вода, отдаваясь поверху едва заметной волной, и Анемподист чувствовал, как в нем тоже отдавалось: толк! толк!..

Вскоре в совхозе отмечали праздник урожая. Не Бог весть какой он народился нынче, но традицию нарушать не стали. На большой поляне, как раз посредине между поселком Вперед и Бугрышихой, устроили помост со столом под красным сукном и микрофоном. Анемподист видел со своего двора скопление праздничного люда, громкоговоритель доносил до него звуки, но слов разобрать нельзя было.

После концерта кто по домам отправился, кто задержался: темнели людские кучки в оголенном осенью березнике.

Поглядывая в сторону смолкнувших песен, Анемподист все ждал: вот

сейчас рванет где-нибудь гармошка, и пойдет праздник догуливать по дворам... Не дождался... Позднее, в темноте уже, кто-то шумел, плюхал вниз, в болотине. Наконец, Анемподист различил голоса.

– Сидели мы на речке на вонючке! – дурновато затянул один и тут же оборвал себя. – Ты чо преподаешь-то, забыл?

– Немецкий, – ответили ему.

– Тьфу, язви ты!.. А ну давай, как это будет по-немецки?

– М-м...Вир засен ан... – голос запнулся, но скоро заключил фразу. – Ауф речка-вонючка. Тут, понимаешь, идиома, не переводится...

Гоша каждый день отмерял три километра до совхозной школы. Возвращаясь, обувал резиновые сапоги, шел к комплексу, оттуда вдоль озера Гориного к большому, Утичьему, поднятому недавно благодаря скважинам.

Анемподист наблюдал, как деревней гонят бычков на прогулку, слышал перханье их, застуженных бетоном. Вроде пленных немцев в сорок третьем, – пришло ему как-то в голову при виде невеселой телячьей колонны.

– Деда, а правда, нам свет могут отрезать?

– Как отрезать? – не понял Анемподист.

– Говорят, на комплексе только оставят, деревню отцепят.

– Я им отцеплю! – погрозил Анемподист неизвестно кому. – Отцепили, как же!

– Угу, – удовлетворенно отозвался внук, и торчащие его уши заалели.

Утром Семен увидел уткнувшийся в его штакетник ажурный коlob перекасти-поля. Осенний привет! – усмехнулся он и пнул воздушный куст. Но тот не отлетел, а, надевшись на ногу, остался висеть – цепкий!

– Вот зараза! – выругался Семен, рукой отбросив куст на дорогу. Мимо прошагали две школьницы из младших классов.

– Что такое химия? – услышал Семен.

– Это когда такие мелкие кудряшки. У Любки Михалевой из восьмого видела?..

Дальше он не расслышал, в этот самый момент ему под колени мягко ткнулся все тот же прилипчивый сорняк.

– Ну, с тобой я еще разберусь! – пообещал Семен и заспешил к конторе. На пути заглянул к коменданту спросить про мешочки для семян. Узнав, что обещанных мешочков все еще нет, сдернул со стеллажа пачку новых простыней.

– Даю тебе час. Не будет мешков – отдам девчонкам твои простыни, пусть шьют.

– Это же воровство! – комендант хотел закричать, но не справился с голосом, вышло совсем тихо и даже будто с грустью.

– Точно, ты воруеть мою жизнь. Иди жалуйся, только учти, на все тебе

времени – час.

У себя он первым делом стукнул по барометру: никаких изменений, стрелка, будто приросшая, показывала «ясно». И ясно – не ясно, – посмотрел он из окна на облака, – и дождя нет.

– Влагозарядка, – произнес он вслух несколько раз, думая тем временем о другом. – Не тот хлеб, который год не тот...

Вспомнил, как в школьниках работал штурвальным на комбайне. Два сезона подряд вилами растрясал валки – не тянула машина. То был хлеб... Со специализацией в совхозе зерновых осталось совсем немного, и с точки зрения узкой хозяйственной необходимости Семеновы замыслы по сортоиспытаниям не имели особого смысла. К тому же руководители хозяйства, меняющиеся один за другим, по специальности все зоотехники, им ли до его забот. Нынешний на просьбу об опытной делянке пожал плечами, что означало, по-видимому: бери все на себя. Делянка, в конце концов, не вопрос, – где взять оборудование для лаборатории, людей? Все это могут позволить себе лишь семеноводческие хозяйства...

К вечеру он отправился на зерносклад, посмотреть, как заделали крышу. Рабочих уже не было, задержался один тракторист, подвозивший материалы. Семен заглянул в прицепную тележку и обнаружил прикрытые рогожиной два мешка с зерном.

– Сгружай! – потребовал.

– А ты кто такой командовать тут? – нисколько не смутился тракторист.

– Знаешь, кто я такой, – с усилием удерживал себя Семен в спокойном тоне. – Или немедленно сгрузишь, или составлю акт, тогда заплатишь в пятикратном размере и пойдешь под суд.

– Сопляк ученый – хрен крученный! – Тракторист присовокупил еще несколько слов покрепче, но мешки сбросил.

– Теперь проваливай! И запомни: ты у меня на примете!

Дома он рассказал деду Пале о прошедшем дне.

– Паразит! – Имелся в виду неудачливый жулик. – В поле не выгонишь, пристроился на транспортных работах, а пахать – пусть бабы пашут... Я еще понимаю, для дела украсть, нет, он же на базар повезет!

– Красть, Сеня, поди-ка, завсегда нехорошо, – обмолвился дед.

– Конечно, – согласился Семен с усмешкой. – А мне, к примеру, запчасти на машину обещали в районе да, может, приборы какие для лаборатории выцарапаю, – с чем поеду, с голой ладошкой? А что я опять же могу? Те же мешки с зерносклада, только не семена, разумеется. Под какую статью расходов прикажешь мне эти мешки подвести? Вот и думай.

– Ох, гляди, жила лопнет! – покачал головой дед.

– Ну! – Семен вытащил из-под стола двухпудовую гирю, вскинул над собой. – В армии крестился этой штуковиной запросто. Ослабел.

- Я и кажу: на все натуры не хватит.
– Хватит! – Семен задвинул гирию обратно: – У меня – хватит!

8

Лето хорошо для всего, только не для постылой работы. Дома сидеть – не сидится, и хозяйка со своими постояльцами уходила гулять. Вместе бродили недолго, разбредались в разные стороны, возвращались поодиночке.

Однажды – дело уже подходило к осени – хозяйка сказала Мокшину:

– Послушай, Витя, мы с тобой вроде родни, ты мне как брат младший. Меня тут познакомили с одним человеком, он приходит иногда будет, а при Николае как-то неудобно. Понимаешь меня? Тот человек с женой в одной квартире живет, то есть не живет, а как это сейчас, знаешь... Ты не обижайся, неохота себя хоронить раньше времени.

– Ну что вы, квартира ваша...

У себя в комнате он попытался вспомнить, когда Николай впервые появился у них, сколько прожил. Вышло – достаточно, чтобы привыкнуть к человеку. Но странное дело, произошло как раз обратное: с каждым днем Мокшин все больше отвыкал от Николая, словно день знакомства не свел их, а положил начало расставанию.

Однако проститься легко не получилось. Мучило чувство вины и какой-то неясной потери, когда Николай собирался, благодарил, желал счастья приютившему его дому. Хозяйка всплакнула и тоже благословила его на дорогу.

Он уходил по долгой улице, и чересчур долгой показалась она Мокшину на этот раз. Узкие плечи, тонкие руки, плавная походка – ни горести, ни улыбки на лице...

– Коля! – окликнул Мокшин, не сдержавшись, но тот не обернулся, не ответил. Только откуда-то из-под земли вышел странный звук, будто пузырь лопнул под ногами, и следом Мокшин отчетливо услышал:

– Екатерина Филаретовна.

– Бабушка? – переспросил изумленный, но ответа не последовало, поскольку некому было ответить.

Вечером они с хозяйкой разобрали старую кровать с жесткой сеткой и снесли в кладовку. Спать один Мокшин уже отвык, потому долго ворочался. В полночь он вышел на кухню и увидел за окном огород, ярко освещенный лунным светом. А ведь он так и не узнал, где живет Николай.

На другой день он увидел за столом Николая другого работника, незнакомого.

– А где новенький наш? – спросил у начальника отдела, показывая в угол.

– Здравсьте! – Тот пристально посмотрел на Мокшина. – Кто же, по-твоему, перед тобой? Три месяца человек работает – а тебе глаз не хватило? – Начальник был настроен поговорить. – Ты, наверно, на общественной работе запалился. Так она, общественная работа, в чем должна заключаться? Выслушай, войди в положение – и забудь. Ха-ха!

– Не морочьте мне голову! – закричал Мокшин, глядя мимо начальника на удивленно поднятое к нему чужое лицо. – Здесь сидел другой человек!

– Послушайте, Мошкин, – раздраженно осадил его начальник, – обратитесь в больницу, я вам очень советую.

– Мокшин, я – Мокшин! – взвился он пуще прежнего. – Сколько повторять!

И тут же сник, подумав о том, что за последние три месяца начальник впервые искал его фамилию. Что же произошло? Или он вправду сходит с ума? Больница... Неужели все это жило лишь в его больном воображении – облака, тушенка, помидоры... Сон? Но три-то месяца прошло!

– Какое сегодня число? – встрепнулся он.

– Вот этот самый вопрос психиатры обычно задают в первую очередь.

Весь вечер Мокшин наблюдал за хозяйкой, ждал: вот спросит, как там Николай. Но она занималась обычными делами, попутно рассказывая о своих товарах со швейной фабрики. Будто и не жил человек тут – ни полслова!

Перед сном он будто бы за какой надобностью полез в кладовку, погремел кроватью, спросил у подошедшей хозяйки:

– Кто-то следующий будет на ней спать, а?

– Да-а, – рассеянно заметила она, – давно без дела, последний раз Сашка кого-то из друзей приводил – года два, не меньше.

Мокшин еле сдержался, чтобы не закричать. Нет! Так не бывает!.. Но хочешь не хочешь, приходится признать: так есть! Мокшин метался по своей комнате, усилиями заставляя себя успокоиться: был – не был, какая теперь разница, если человек не оставил о себе памяти ни в ком? Что до него, Мокшина – может, он устал, заболел, придумал все, наконец, – от пустоты и этого проклятого одиночества...

Все у них продолжалось по-прежнему. Хозяйка жила одна, не найдя толку в новом знакомстве, и у Мокшина ничего не изменилось. Иногда он выходил на крыльцо, украдкой смотрел на небо, но быстро возвращался в дом и садился с хозяйкой за чай.

Вскоре в отдел переслали письмо, адресованное в газету.

– Мокшин! – позвал начальник. – Ты у нас из какой деревни будешь?

Он назвал.

– Все правильно. Георгий Мокшин не родственник тебе? Иди-ка читай.

«...Деревне грозит подтопление грунтовыми водами, – читал Мокшин. –

Вода в домах стоит под половицами, люди разъезжаются. Несколько лет назад на выходе из озера Гориного построен комплекс по откорму скота на две тысячи голов. Навоз из него удаляется гидросмывом, а специальных накопителей нет. Жижка сливается на берегу, стекает в воду. Естественного понижения местности не стало, разгружаться озеру некуда, уровень воды повышается за счет притока по реке Горихе...» Письмо подписали Анемподист Караваев и Георгий Мокшин, дед и брат Виктора.

– Грамотно написано, – отметил начальник, – у вас в семье, что ли, все гидрологи?... Ладно, не обижайся, поезжай-ка лучше на место, разберись. Тут тебе и командировка – домой.

И, оставив после себя одеколонно-табачное облако, скрылся за дверью.

Перед самым отъездом Виктор вышел в хозяйский огород, оглядел его внимательно, потрогал помидоры, никак не желающие краснеть, заставил себя отвернуться от них... Огород! Бедный мусорный клочок! Весной, перекапывая его, Виктор вытащил несколько ведер битого кирпича и желтоватых клубней выходящего растения под названием «китайский огурец». Этому выюну, по словам хозяйки, нигде плохо не бывает. Все остальное растет здесь словно через силу. Недавно хозяйка, возвращаясь с работы, принесла на фанерке парную горку, оставленную на дороге лошадьё тряпичника. Долго стояла с ней возле грядок – куда положить? Было больно смотреть на нее, растерянную, с трудом сдерживающую слезы...

Виктор пошел прочь от этого земного убожества. Хотелось бы идти быстрее, да что-то мешало торопиться. Так уходят с кладбища.

9

– Не написали, не вызвали, – упрекал Виктор родичей. – От чужих людей узнал про бабушку.

– От кого это? – живо поинтересовался Гоша.

Мокшин-старший не ответил.

– А вот и вызывали, – сердито возразил Анемподист. – Вишь, Гоша, через газету твой брат объявился! Нам надо было давно с тобой в газету написать, пускай бы они, где про собачек потерянных пишут, и нашего поместили б...

Виктор постоял у могилы. Вспомнил, как бабушка всякий раз крестила его на дорожку, куда бы ни шел со двора, – благословляла. Он сердился, правда, больше для вида и даже что-то вроде игры придумал: обернется внезапно, зная, что в это мгновение бабушка кладет ему в спину крест, – и она тут же спрячет

руку за себя, замрет в виноватой стойке. В Бога она верила как-то незаметно для других, икону свою, Николу-чудотворца, держала в сундуке. Не прятала, просто не выставляла, помня, что другим это ни к чему...

Он и раньше не замечал, как редела их улица, но чтобы истаяла вот так, до нескольких дворов – это бы в голову не пришло. Наверно, оттого жил он в хозяйкином гараже беззаботно, не задумываясь особенно о собственной квартире, что существовала где-то его родная деревня Бугрышиха, дом с бабушкой и дедом. Нет, он не помышлял о возвращении сюда – да и специальность у него – где тут работу найдешь? – но какая-то тайно живущая в нем оглядка имела-таки деревню в виду на случай самой последней крайности, до которой, может, человек и не подразумевает дойти. То было до его нынешнего приезда на родину, а теперь... Брошенные дома, остывшие изнутри, пусто взирали на мир. Да вполне ли так? Был он – человек в этом мире – он видел жизнь в этих дворах, за этими стенами. Помнит шумливую вдову Марью, которая раз накричит – десять раз пожалеет, деда Палю, когда еще дошедшего в своей старости до сходства с младенцем... И он замечает не только пустоту в этом взгляде, а еще горечь брошенной, забытой родни.

В одном из пустующих домов Виктор обратил внимание на едкий запах перекисшего навоза, идущий прямо из-под земли. Прав Гоша в своем письме: поднявшиеся грунтовые воды явились сюда, напитавшись прежде от комплекса...

По-новому увидел он зачахнувшие в подтопленной согре березы, помертвелое озеро Гориное, где раньше двумя поясами расцветали кувшинки и лилии, а в эту самую пору отдыхали лебеди на перелете.

С утра Виктор отправлялся из дому, обходил озера, поднимался от Гориного по реке Горихе, спускался по Березовой, вытекающей из Утичьего... Недавно он у себя на работе просматривал каталог малых рек области. Насчитал их около девятисот, но не нашел своих, ни Горихи, ни Березовой. Начальник объяснил, что малыми считаются реки протяженностью от десяти километров. Меньше в учет не берутся. Вроде как и нет их вовсе, – отметил Виктор про себя.

После обеда к нему присоединился Гоша, они ставили вешки по берегам, измеряли перепады местности. Возвращаясь домой потемну, до глубокой ночи чертили, считали...

Вслед за Виктором в Бугрышихе объявился странный старик. На исходе дня взошел он на двор к Анемподисту, сказал, будто родом из этих мест, назвал деревню, о какой Анемподист только и знал, что была она здесь. А когда – этого ни в каких летописях не сыскать. Одутловатое темное лицо старика все до глаз в сивой щетине, точно подпольная тесина, тронутая лишаем. Неприятно лицо и выражением своим: рот кривится в сторону, вроде старик подсмеивается все время. Длиннополое одеяние его неопределенного кроя и времени понизу набрякло водой, капающей то и дело на землю.

– Где ж ты этак обмакнулся? – спросил Анемподист, но ответа не получил.

– Не прогонят? – в свою очередь поинтересовался старик, кивнув на брошенные дома.

– Кто? – Анемподист пожал плечами. – Только как ты там жить-то станешь – ни дров, ни кочережки?

– Поглядим, – нехотя разомкнулись покривившиеся губы. У калитки старик встретился с братьями Мокшиными, и Виктору показалось, что он уже встречал его когда-то.

Октябрьское солнце насквозь прошивало оголенные заросли ветьника, небольшие березовые колки поодаль и отчетливо вырисовывало отдельно выдвинувшиеся из далекого леса сосны. Чаще всего, даже в ясные дни, лес темнел ровной полосой у окоема.

В один из таких прозрачных дней Виктор почувствовал, будто заново наживает мускулатуру после долгой вынужденной неподвижности.

Из глубокой тени прошлого выплыло: бабушка, уходя со двора, оставляет ему ведро картошки, и он трет ее на крахмал и на драники. Вечером бабушка каждому станет рассказывать, кто их всех сегодня накормил, какой у нее хороший помощник...

Потом он увидел себя на этом самом озере, где стоит сейчас и куда они с мальчишками бегали купаться, – на Утичьем. У Гориного берега и дно топкие, а здесь – песок. Девчонки купались в отдалении, и между другими – не тогда, именно сейчас – виделась ему одна – с шелковистыми волосами, выгоревшими сильнее, чем у подруг, и черным мальчишеским загаром. Нина, – к своему удивлению сразу вспомнил он, – дочь председателя сельсовета. Она училась двумя классами ниже, то есть по возрасту уходила за тот предел, когда они, школьники, уже не могли считать друг друга ровней. Потому и словом-то не обменялись, насколько он помнит. Стал вспоминать дальше – и обнаружил, что странным образом оживает в нем давно прошедшее: где бы ни увидел себя – в школе, на совхозном огороде, на улице, – всюду поблизости она. Экую шутку играет с ним нынче память!

Тот светлый октябрьский день ушел, оставив от себя метину: стоит Виктору очутиться одному, отвлечься от работы – вот она, девчонка, которую видел в последний раз в восьмиклассниках. Даже приснилась однажды. Будто ведет ее за руку этот странный старик, поселившийся в пустом доме; она оборачивается все время, взглядом к нему, Виктору, тянется, но старик держит крепко, не пускает и все кривит рот в усмешке...

Чего проще! – рассердился он на себя однажды. Узнать, что с ней, где она, увидеть – и даже, может, поговорить... Спросил у своего деда, но тот ничего не знал и, добавил, знать не желал.

В волнении отправился он из дому и на выходе со двора – вспомнив вдруг старую игру – резко обернулся. Пусто за спиной...

– Значит, говоришь, внук Поперечного? – держа его у дверей, уточнил

председатель сельсовета. Такого прозвища за своим дедом Виктор не знал. – Эк разобрало вас! – Председатель дернул щекой и скомандовал за спину: – Выходи!

Тут же из глубины дома появился невысокий рыжеватый паренек.

– Сеня? – узнал Виктор одноклассника.

– Во, тоже свататься пришел, – непонятно про кого сказал председатель.

– Я спросить только, – смутился Виктор.

– Да-а! – Хозяин прошел к окну, сел, оставив их стоять друг против друга.

– Кого же выбрать? – с деланной озабоченностью спросил сам себя и задержал взгляд на Семене, у которого веснушки на лице перемешались с капельками пота.

– У этого, по крайней мере, все в доме будет, хозяин... А ты? – Он круто повернулся к Виктору и тут же сник разом, махнул рукой, устало так, будто маятник последний раз перед остановкой качнулся. – Шли бы вы по домам, ребята, отженихалась Нинка, тяжелая ходит.

Дергающуюся его щеку потянуло на сторону какой-то чужой волей.

– Замуж вышла? – выдавил из себя Семен.

– Идите! – прикрикнул председатель и повернулся к окну.

Они стояли посреди улицы, поглядывая друг на друга: Виктор в смущении, Семен со злостью.

– И откуда ты такой взялся? – не выдержал первым Семен. Верхняя губа его подобралась, побелела. – В гости, значит... Видали его – горожанин! Научились там девок портить, дурех деревенских! – Он словно забыл, что сам недавно вернулся из города, а уезжали они с Виктором отсюда вместе. – И кто ж ты теперь, специалист, как называешься?

– Гидролог, – пожал плечами Виктор.

– Гидролог! Что-то непонятное – ни агроном, ни инженер, ни то ни се. Где твоё хозяйство? Лужи эти? – он кивнул в сторону озера. – Так это мое! Я – слышал? – хозяин.

Семен смешно, по-петушиному приподнялся на носках.

– Хозяин, да неважнецкий, – начал злиться Виктор.

– Что-о? – Семен сделал к нему шаг.

– Плохой, говорю, хозяин. Озеро лужей называешь... Землю засолил – жди теперь от нее.

Семен хотел что-то сказать, но поперхнулся и покраснел так, что белая его губа показалась приклеенной к лицу. Он не стал ничего больше говорить, круто повернулся и зашагал прочь.

– Навоз кто будет вывозить? – не отпускал его разошедшийся Виктор. – Твое дело, хозяин!

– Иди ты! – прорычал, не останавливаясь, Семен.

Ну вот, встретились одноклассники, поговорили! Глупость какая! – ругал себя Виктор. – Спрятались за руганью, а обида-то в другом. Кого тут винить?..

Внезапно вернулось знакомое ощущение пустоты, и даже, показалось,

запах их рабочей комнаты объявился – смесь пыли, типографской краски, едкого одеколona вперемешку с табаком...

На что он, собственно, рассчитывал? Что она, забывшая наверняка о его существовании, станет дожидаться, когда он вспомнит о ней, почувствует необходимость увидеть ее? Смешно! Кто она, какая нынче, как выглядит? Эти вопросы пришли ему в голову несколько дней назад. И совсем необязательно они могли появиться хоть когда-нибудь у нее. А если и появлялись, почему бы им не быть обращенными к Семену? Чушь! Все напридумывал!

Отец Нины тоже хорош: дочерины тайны вот так запросто всему миру. Чтобы отвадить ухажеров? Не-ет, обида тут, похоже. Не тех бы ему отваживать, своих-то... И здесь, конечно, за Семеном все преимущества, уж этот свой так свой... Виктор вспомнил, как оправдывался, что не свататься пришел, и щеки его загорелись.

Возле озера Гориного он не раз встречал приезжего старика. Тот, едва завидев Виктора, отворачивался, уходил. Уже несколько раз Виктор замечал, что старик повторяет его маршруты. Что он вообще делает в деревне? Зачем он тут?

– Это правда, что мы лес не любим? – спросил Гоша у брата.

– С чего ты взял, и кто это – мы?

– Ну все мы, люди. Деда сказал.

Виктор задумался, остановив взгляд на согре, где тоскливо белели останки берез.

– Наверно, так и есть, – согласился он. – Сказки возьми – через одну про лесные ужасы: леший, лесной дух – нечисть, не иначе... – В этот момент Виктору показалось, будто в просветах березового колка, у края которого сидели они, промелькнуло темное лицо приезжего. Он даже привстал со своего места, но ничего толком не разглядел. – А может, любим, да только любовь у нас – неумелая...

Он подумал, что веками люди отбирают у леса землю, похваляясь сами перед собой своей любовью к ней. И что же? Сколько тысячелетий, – он посмотрел вокруг себя, – все здесь было неизменным – и так немного понадобилось времени, чтобы полностью изменить это место. Непокойствие человека на земле – как ему сообразоваться с вечными законами жизни?.. Неожиданно вспомнилась студенческая поездка в Ленинград. Он стоит перед домом-музеем Пушкина, закрытым на реставрацию, и разглядывает место, откуда сняли мемориальную доску. Вместо нее кто-то нацарапал на стене осколком штукатурки: «Здесь жил Пушкин».

После визита к председателю сельсовета Семен долго не мог успокоиться. Все у него было строго спланировано: сортоучасток, женитьба, хозяйство, собственный сорт пшеницы... Знал он, конечно, селекционеры многих поколений клали жизнь на выведение нового сорта, и большинству из них не хватало жизни, однако считаться с этим не собирался. Большинство – не он. На обзаведение

семьей Семен не предполагал каких-то особенных усилий, все, по его мнению, должно произойти само собой. Или у невесты соображения нет! Почему именно председателя Нина – вопрос несложный. Сверстницы его – кто где, немногие оставшиеся в совхозе уже замужем, а Нина – совхозная стипендиатка, вернется, стало быть. Вот и семья – агроном да экономист – таких дел можно наделать... И тут-то как раз вышла осечка... Еще этот одноклассник, явившийся в собственный дом в роли инспектора. Семен отчего-то был уверен: Виктор встречался с Ниной в городе, иначе зачем бы он пришел справляться о ней? А может, он и есть главный виновник, отяжелил девку и теперь вынюхивает, какая тут в ее доме обстановка? Семен в ярости выхватил из-под стола гирию, размахнулся – куда бы запустить? – и швырнул на кровать.

– Сеня, сынок! – позвал из своей комнаты дед Паля.

– Чего тебе? – Голос злой, будто и дед виноват в его неудаче.

– Уважь старика, калинки пареной захотелось, – заговорил дед невпопад. – Весна на дворе, поди, и не сыскать... Ты уж прости, захотелось...

– Какая весна? – Семен, обеспокоенный, подошел к деду, потрогал лоб. – Спал, что ли? Приснилось? Октябрь давно, калину твою ведрами бабы таскают. Напарю сколько душе угодно. – Он присел с краешку дивана, погладил деда по воздушным волосам и добавил совсем уже мягко: – А еще пирожки сделаем, ага? Из новой муки.

Дед, блаженно улыбаясь, опустил веки, ровно задышал.

Давно уже он начал путать прошлое с настоящим, живые лица с покинувшими земные пределы. Игра не игра, а стоит ему закрыть глаза – и вот они, картины перемешанного времени. Нынче увиделась деду большая вода, половодье, случившееся лет полста тому, когда сошлись два озера – Утичье и Гориное – залили все понизовье, полдеревни, считай. В той воде погибла Марьяна дочка: играла на берегу и поскользнулась. Вытащили скоро, однако отогреть не сумели... И сразу же другое оживает в памяти: они всем миром гонят за деревню сосланных сюда на поселение из-за Урала. Любой из Палиных односельчан одет более подходяще к сезону, и скарбу у тех, приезжих, ерунда по возкам, и скотины, понятное дело, никакой. Как жить людям, как из зимы выкарабкиваться? Черны их лица, в глазах ничего, кроме мольбы... Но все – и громче других Марья – кричали: гони мироедов! И гнали... И он вместе со всеми, хотя сейчас еще помнит стыд и жалость в себе.

А было это... Постой-ка! Было это за месяц до того самого половодья! Почему-то раньше он никогда не связывал эти два события, и от других не слышал о таком. Может, сама Марья доходила до этого в своих тяжких думах, поскольку человека в горе всегда жжет вопрос: за что?..

Семен освободил от гири просевшую до пола сетку, усмехнулся: гидролог!.. Что ему знать про землю – засолили! И тут же будто шепнул ему кто: а засолили ведь, Сеня!.. Я семеновод, в конце концов! – начал он оправдываться

перед невидимым собеседником, – а мне – запчасти, полив, удобрения! Чем я жижу эту вывозить буду, руками? Ни техники, ни черта – две бочки под налив, много ими навозишь?..

И тут неожиданная тоска навалилась на него. Ведь семеноводством-то он и не занимался. Чем угодно, только не делом... Сорняк несчастный извести не может, невесту проморгал... Неужто и все остальное таким путем у него пойдет? Или дед Паля правду говорил: натуры не хватает?

– Дед! – метнулся он в соседнюю комнату. – Ты же сам говорил, мужики у нас в роду гвозди. Каленые гвозди...

Дед Паля широко открыл глаза, ясные, будто не отлучался он из яви, а сказал-таки опять не к месту.

– Бочка-то наша, Сеня, не пропадет? Клепка старая, дюжая, сколь обручов на ей поменяли... Мамке капусту квасить надо...

– А! – Семен махнул рукой и вернулся к себе.

Выходит, я навдумывал все? Не по Сеньке шапка?.. Ну не-ет! Он дважды ударил себя кулаком в грудь и повторил: нет!..

Тем временем деду вспомнился Гриша-ярый, прозванный так за непонятную маету, в которой доводил он себя до полной дикости. Вина не пил, а расходится – десяток пьяных мужиков столько не порушат: ограду он ломал, баню раскатывал, дом собственный запаливал дважды, внутри рубил все, что под руку попадало. Ладно хоть свое добро портил, не то прибили бы. Лекарей не подпускал к себе, деревенских знахарок тоже, но тех мать ухитрялась приводить к нему спящему. Шептали, дули в темя, брызгали травными отварами – все без пользы. День, другой – человек как человек, работяга, а взшло в голову – и нет удержу на ярь его безумную. Дальше – больше, не стало ему хватать окружающих предметов... Так и кончил, сам себя истерзал. Сначала лицо ножом кромсал, головой об угол дома бился, потом бросился на вилы. Хоронили – лицо не открывали, уж больно изувечено... Эх, человек! – подумал дед Паля. – Отчего это сила в тебе такой страшной бывает?.. Представилось ему, будто хоронят Гришу сегодня, сейчас прямо, вот и внук Сеня неподалеку от гроба, взрослый, агроном. Взрослый! – дед усмехнулся. – И что ты будешь делать с их семейной мелкотой и рыжетою? Целинник тот – чернявый, рослый, а не прибавил роду новой крови... Семен подходит к гробу, пытается убрать покрывало с Гришиного лица, и дед Паля кричит ему:

– А ну марш домой, постреленок!..

– Что ты опять? – Семен осторожно тронул деда за плечо. – Пойдем-ка ужинать, а то совсем поздно будет.

Утром Семен заявил директору:

– Снимайте с меня лишние обязанности, ищите главного агронома, если старому не вмоготу. А я пока семеновод, понятно? И ничем другим заниматься не собираюсь. А нет – уеду. Вот так!

Новый день, пожалуй, прозрачнее прежних, потому как деревья уже совсем не держат тени, нечем. Как они понимают, что именно теперь нужно сбросить листву? Тепло стоит... Неожиданно на щеку Виктору что-то капнуло. Посмотрел на небо – ни тучки, ни облачка, – усмехнулся. Бабушка Екатерина Филаретовна говорила в таких случаях:

– Боженька чай пьет, капля с усов упала...

Ослабевшая оса пытается выбраться из путаницы сухой травы, яростно жужжит, бьется из последних сил – и не может. Божья коровка взбирается на верхушку окостеневшего стебля, разворачивает крылья, выпускает подкрылки – и остается на месте. Осень, во всем осень.

Как все придумано на Земле, – думает Виктор, глядя на муравейник, – как связано живое с живым. Тысячелетиями существует муравьиное устройство, меняется что у них со временем? Опять вспомнился ему Ленинград, Ладога – и муравьиная колонна, следующая по бетонному бордюру Дорогой жизни, по которой не так давно люди спасались от людей.

Виктор подумал о себе, о своих знакомых, в ком разумная природа должна была наладить связь характера, знаний, умения, души – и поежился, обнаруживая у всех почти недостаток того, другого, третьего...

Он нащупал в кармане телеграмму с требованием немедленно возвращаться на работу. В какую-то секунду захотелось достать ее, проверить, не пахнет ли от бланка одеколоном?.. Вернется он, выложит свои соображения по отсечному дренажу, займется проектом, если не поручат другому. Не должны, все-таки он был на месте. Закончит проект; займется новым – видимо, так. А спасать озеро и деревню будут те, кто довел их до беды. На доходы, полученные все с того же комплекса. Хочешь – смейся, хочешь – плачь. Виктор вспомнил один из крупных проектов института – обводнение степной зоны. Железная дорога, та самая, по которой тысячами спешили сюда люди осваивать новые земли, перерезала водоснабжение степи. Большинство озер и речек высохло, иные озера засолили. Земля скупно рассчиталась за героические усилия тысяч; один полновесный урожай только и собрали... Он перебирал в памяти другие проекты, – с большинством из них знакомился еще в студентах, – и делал невеселый вывод, что во многих – исправление ошибок неразумного созидания.

Коллектив института работает, выполняет план. Кто не совсем удовлетворен своей работой, может взять на себя борьбу с курильщиками или, к примеру, начать войну за порядок на рабочих столах, на подоконниках... Кем-то ведь придуман такой способ существования...

Солнце, забыв про календарь, заливало все вокруг безудержным светом, и только озеро Гориное не принимало его лучей, никак не сыграть им на мертвой

глади, никто не побеспокоит ее, не колыхнет.

А водяного тоже страшилищем представляют, – вспомнил вдруг Виктор недавний разговор с братом о лесе.

На столе Виктор разложил бумаги – расчеты по отводному каналу, по строительству дамбы, акт химической лаборатории о загрязнении озера, копия предписания прекратить сброс в Гориное озеро отходов комплекса, ответ на его запрос по составу здешних почв, письмо Гоши и деда.

– Тут всего метров десять копать, – объяснял он Гоше, – потом понижение идет. Согру используем как водоприемник – а дальше разгрузка через Березовую. Видишь, эта часть озера чистая, Гориха здесь впадает, а другую, у комплекса, надо будет дамбой отсекасть, иначе все затянет... Рано или поздно им придется от гидросмыва отказаться, мы с химиками допечем.

С утра Виктор ходил на центральную усадьбу, в поселок Вперед, просил у директора экскаватор. Тот испугался: как это, копать без специального разрешения, без документации? В конце долгого разговора Виктор в очередной раз напомнил, чтобы срочно закрывали скважины на Утичем, не то доживутся до беды.

– Чего ради? – директор развел руками. – Вот тут с документами все в порядке, кем надо просчитано: дебет воды соответствует расходу на полив.

Виктор попытался было договориться с экскаваторщиком без начальства, но и тот копать не стал, отослал к председателю сельсовета, под чьим началом он тянул траншею для теплотрассы.

– Ну и племя! – встретил Виктора председатель. – Опять землю корежить! И что она вам покою не дает, земля наша?..

Братья сидели над бумагами, а дед Анемподист тем временем, оглаживая на себе выходной пиджак, раздумывал, надевать ли фронтовые награды. Наконец пришел к выводу, что не стоит. Виктор украдкой поглядывал на него: переживал. Анемподист, узнав о неудачном визите внука к председателю сельсовета, решил пойти сам.

Председатель вышел на крыльцо, и острые пучки его бровей пиками уставились на Анемподиста.

– Здравствуйте! – сняв шапку, низко поклонился гость.

– Пожалуйте, – растерянно ответил председатель и отступил в сторону, освобождая вход...

Вернулся дед к вечеру и сообщил с порога:

– Завтра техника будет.

Затем сменил пиджак на телогрейку и отправился во двор. Виктор нашел его у ограды, дед вглядывался в горизонт, точно ждал кого оттуда.

– Почему все-таки ты не вызвал меня? – повторил внук вопрос, заданный по приезде.

– И что вы за люди за такие? – Анемподист тяжело вздохнул. – Дома-то и

бываєте: закончил свои дела – только тогда. А что там у родни поперек ваших дел – вас не касается. Хотя раз кто на бабкину слезу отозвался? Куда-а!.. Не вызвал! Все-то вам в уши вклады...

– Я матери телеграмму послал.

– И как оно? – недобро усмехнулся дед и, не дожидаясь ответа, достал из кармана потертый конверт. По адресу, надписанному его рукой, кто-то размашисто черкнул: адресат выбыл. – Ишь как, отсюда выбыл, оттуда выбыл... Волокет кто, не иначе – не сам же человек со своей головы кинется углы по свету считать. Кому землю хозяиновать? Остались сибиряки немшонные.

Виктор не понял.

– А заезжих разных у нас так звали. Моху лень натаскать, так они венцы клали на что попадая, на труху всякую. Оно и свистало по избе... А то еще тут был хозяин, все в грудь себя бил: артельщик я, мол, первый. Сено расставит с лета – а завезти нет его. Зимой привезет воз на санях, распряжет лошадь – хомут здесь же кинет, на снег. Подъели то сено в хозяйстве – надо опять ехать. Запрягать – хомут откопает, а он весь во льде. Холку лошаденке в кровь собьет, негодной скотину сделает – и голова не болит. – Дед судорожным глотком захватил в себя воздух и закончил с дрожью в голосе: – Э-эх!..

Оставшись один, Анемподист долго разглядывал лунное отражение в крохотном озерке. Вспомнил, что завтра здесь будут копать, и забеспокоился: надо будет сказать Виктору, чтобы сторонкой взяли. Спит, наверно, уже, завтра скажу.

Но Виктор не спал. Он слышал, как долго ворочался в своем углу Гоша, как укладывался, бормоча что-то себе под нос, дед. А когда все в доме стихло, он тихонько поднялся и вышел во двор. Ночь была холодная и ясная, с полной луной над заснувшим миром. Виктор подошел к тому месту, где недавно стоял дед, потрогал пряслину – и ему показалось, будто высушенное дерево еще держит тепло дедовых рук.

Хотя и светло в ночи, далеко не увидишь, лес, к примеру, пропадает за пределами различимого. Вдруг обнаружил в себе непонятно откуда взявшееся сомнение: а стоит ли лес на месте, существует ли вообще? Или исчезает вместе с дневным светом? Стоит! – сам успокаивал себя. – Куда ему деваться? Сколько раз был в том лесу, целыми днями, бывало, – и никогда не проходил насквозь, большой, сказывают, лес. А там, за ним, очевидно, все то же: пашни, озера, реки – земля, словом. И люди живут. Он подумал, что всякая земная жизнь обязательно соприкасается с другой, соседствующей тесно или, допустим, через лес. Земля представилась ему сплошным океаном – было же когда-то, – где все соединяется легко, перетекая друг в друга. А как же твердь земная? Видимо, и с ней происходит то самое: капля, упавшая на нее, путешествует земными токами, доходит до всякого края, до каждой живой отметины... Да, так все и соединяется – посуху и по воде... И тут он подумал о брошенном доме с едким запахом из-под

пола...

Вдруг со стороны озера раздались звуки – непонятные и в то же время знакомые. Он, завороченный, пошел на них, дошел до берега – и замер. Спиной к нему, зайдя в озеро по пояс, стоял приезжий старик и со всего маху бил ладонью по воде. Вот оно, что за звуки! – сразу же вспомнил он Николая. В это мгновение старик обернулся – и Виктор узнал своего исчезнувшего городского приятеля! Ошибки быть не могло: не лунный свет, какой-то луч помимо него ярко высветил знакомый высокий лоб, улыбку... Это длилось секунду, следом над озером поднялся мощный столб воды, в котором исчезло видение, пропал непонятный свет. Последнее, что успел Виктор заметить, – опадающая дегтярная волна и бьющая по ней хвостом огромная рыба. Виктор кусал себе запястья, дергал за уши, за нос – понимал, что не спит, – и не мог поверить. Он брел домой обессиленный, спотыкался, падал, снова поднимался... Не в состоянии даже попытаться объяснить себе что-то, он с величайшим трудом добрался до постели и тут же провалился в глубокий сон.

Утром он долго сомневался, рассказывать деду или нет? Наконец решил, что не станет, слишком уж неправдоподобна вся эта история.

Анемподист стоял на том самом месте, где вчера застала его ночь, и безуспешно пытался отыскать знакомое озерко, будто оно могло перебежать с одного места на другое. Увы, оно просто-напросто исчезло, так же внезапно, как и появилось. После него остался узкий след, насечка на коре земли, указывающая некий путь.

Вскоре пришел экскаватор.

Никто в деревне не заметил исчезновения старика, Виктор даже и не пытался начать разговор о нем.

11

Перед самым отъездом Виктор встретил Семена и Нину, они под руку шли по улице. Догадкой лишь узнал ее Виктор – так мало осталось похожего на прежнюю девчонку – восьмиклассницу. Он успел заметить болезненную усталость ее лица, темные круги под глазами, отвечающими входящему в них миру полным безразличием. Во всяком случае, на приветствие Виктора она не обратила никакого внимания.

Почему же я так спокоен? – удивился он, пройдя мимо, и чуть погодя ответил: – Все-то ты, брат, придумываешь. А придуманный мир редко похож на настоящий.

Хозяйка не дождалась помидоров. Плоды выросли, но спелости так и не приняли. Хоть бы один побурел! Под первым морозцем они сделались черными, съежились, упали... Долго смотрела она на пожухлую ботву, потом пошла в дом, села и, вспомнив свое деревенское детство, заплакала.

Когда двинулись по земле талые воды, поселок Вперед начал тонуть. Озеро Утичье вышло из берегов, залило поля, огороды, новые дома, стоящие перед высокой насыпью. Строители дороги второпях не заложили пропускные трубы, и воде теперь некуда было деваться.

Новоселы, недавно бросившие свои дома в Бугрышихе, торопились занять их снова, бежали из поселка. Озеро Гориное сбрасывало воду через прорытую по осени траншею, что уберегло деревню от затопления. Мало того, в домах вода стала уходить из-под полов... Из иных дворов доносился стук топоров: кто крышу латал, кто крыльцо.

Анемподист, появляясь во дворе, принимался жадно: жилым тянет! Еще он наблюдал, как отогревающиеся бычки недоуменно жмутся к обочинам, пропуская машины и подводы с беженцами.

Семен, стоя на передке, охаживал тонущую в грязи кобыленку и блажил непонятное:

– Спасайся, родимая! Ядри-т тя в корень! В целину! В родителя!

Всей живности успел он завести – двух котят – и те куда-то запропастились. Не может такая хитрая животина пропасть за здорово живешь, – успокаивал он себя, – должно быть, воду почуяли и сбежали. Ни на минуту не мог забыть о разгулявшейся стихии. Все там, под ней – новый дом, земля, которую планировал под опытную делянку... Скоро ли уйдет вода? Сколько он потеряет времени? Месяц, год? Радовался, бестолочь! Вон они, скважины твои!

– Здорово, земляки! – с серьезным видом поприветствовал их Анемподист. Дед Паля отнял руки от своей бочки, вскинул голову. Из распах телогрейки вызывающе вылез ворот белой праздничной рубахи.

– Помирать еду! – радуясь, сообщил он и тут же, обращая взгляд к небу, погасил улыбку. – На ком нонче-то грех, Подя?

Анемподист не понял вопроса. Заговаривается старик, – подумал он.

Семен взмахнул было вожжами, но передумал, придержал лошадь.

– Старший-то твой не собирается навестить? – сердито спросил Анемподиста. – Вишь, какие дела... Да, при случае передай: достали транспортеры на комплекс, ну эти, для удаления навоза. Сам ездил выбивать. – И осердившись еще больше, так стегнул по парящему крупу, что сам едва устоял. – Занимайся тут черт знает чем!

Анемподист ходил по березнику, вдыхая весеннюю прель от прошлогодних листьев. Почки на березах едва раскрылись, а у него в огороде ветла уже давно пошла сплошной зеленью, та, что в изголовье Екатерины Филаретовны. Место высокое, на припеке.

Он чуть коснулся рукой муравейника, затем поднес ладонь к лицу. В нос крепко ударило кислотой, дыхание перехватило.

– Ух, разбойники! – улыбнулся дед.

Пошел домой, но вскоре возвратился. В руках у него только что освободившееся гусиное гнездо с остатками скорлупы, перьями. С минуту он стоял, глядя на живую горку, потом поклат гнездо сверху. Так делала Екатерина Филаретовна, чтобы росло и множилось гусиное семейство. Как муравейник.

Анемподист исполнил все это в память о жене, обнаруживая в себе самом безразличие к гусиному приплоду – как, надо сказать, и ко всему прочему в собственном хозяйстве. Что хозяйство, сколько ни вглядывался он в свою последующую жизнь, не мог увидеть ничего обнадеживающего. Сохранять дом, хозяйство для Гоши – так он вырастет, за старшим братом подастся, учиться...

Он смотрел на весенний разлив, едва не смыкающийся с озером Гориным, и думал, что останется скоро один на один со своей глупостью. Получилось-то – перехитрил сам себя: сейчас Екатерина Филаретовна рядом, а потом? Кому он накажет, чтобы положили их вместе? Кто решится на это? А может, перенести ее на кладбище? Могила стоит незанятой. Не-ет, никуда он, конечно, не понесет больше свою жену... Жаль однако: умрет и ТАМ останется в одиночестве. Не с кем будет поговорить, разве что спросят поначалу:

– Что делал ты на земле?

– Хлеб сеял, – ответит.

– И раньше сеяли...

– Воевал еще.

– И до тебя воевали... А что осталось на твоём месте?... Вода? Зачем? Не ходить человеку по воде, точно посуху. Грешен.

В один из теплых весенних дней Анемподист вывесил проветривать полотенца Екатерины Филаретовны.

– Как думаешь, что означают эти кони? – ткнул он пальцем в расшитый край.

Гоша, слышавший про коней уже не раз, удивленно поднял глаза и увидел, что дед отворачивается. Ясно, смекнул внук, губы прячет. Бабушка еще когда разоблачила его: едва дед попытается sluкавить, верхняя губа его напрягается, суживается в ниточку – трудно ему не улыбнуться, не выдать себя. И сейчас он хитрит, знает: Гоша не забыл ни коней, ни дедовы губы. Скучает он, тоскует.

– А губы-то, губы! – восклицает Гоша и хватает деда за плечи, чтобы развернуть к себе.

Тяжелые облака плыли низко, но не были страшными. Казалось, не они нависли над землей, а она привстала к ним навстречу, чтобы увидеть, что там, за окомом, за привычной чертой бора? Куда плывут эти облака?.. А плыли они к другим землям, которые хотя и другие – а все одна земля. Там живет внук Анемподиста – Виктор, там ищет свое место несмышленная дочь его. Там и другие люди. Над кем-нибудь из них эти облака, сбившись в тучу, прольются дождем и потом земными токами дойдут до всех живших и живущих на этой большой планете, соединяя их с небом.

1986 г.